

Чувашский
государственный институт
гуманитарных наук

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Д.В. БАСМАНЦЕВ

ЧУВАШИ В ИМПЕРСКОЙ СИСТЕМЕ ВЛАСТИ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

**ОПЫТ ИСТОРИКО-
ПРАВОВОГО АНАЛИЗА**

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 35

Д.В. Басманцев

**ЧУВАШИ В ИМПЕРСКОЙ
СИСТЕМЕ ВЛАСТИ РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI —
НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА:
ОПЫТ ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2021 год

Чебоксары — 2022

УДК 94(470.344)
ББК 63.3(2Рос.Чув)
Б 27

Научный редактор **Г.А. Николаев**

Басманцев Д.В.
Б 27 **Чуваши в имперской системе власти России во второй половине XVI — начале XVIII века: опыт историко-правового анализа / Д.В. Басманцев; науч. ред. Г.А. Николаев. — Чебоксары, 2022. — 44 с. — (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 35).**

В научном докладе рассмотрены особенности инкорпорации чувашей в состав Русского государства, проанализировано их правовое положение в новой исторической реальности.

УДК 94(470.344)
ББК 63.3(2Рос.Чув)

© Басманцев Д.В., 2022
© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2022

ВВЕДЕНИЕ

В середине XVI столетия на фоне противостояния Русского государства и Казанского ханства решалась историческая судьба народов Поволжья и Приуралья. Чуваши, как и другие этносы поверженного казанского хана, в 1551 г. приняли подданство Московии. С одной стороны, они явились «предвестниками» становления державы как империи. С другой — на них апробировалась новая политика по инкорпорации в Российское государство. Политическое проникновение России в Волго-Уральский регион и ее становление как многонационального и поликонфессионального государства представляет несомненный научный интерес. Московией после разгрома Казанского и Астраханского царств были заложены стратегические основы их интеграции в состав державы, которые в последующем были расширены и получили широкое применение в имперской политике¹.

Цель научного доклада — рассмотреть имперскую политику Русского государства в отношении чувашей в историко-правовом аспекте. Исследование опирается главным образом на опубликованные источники второй половины XVI — начала XVIII в.: наказы воеводам, статьи Соборного уложения 1649 г., а также правовые акты, извлеченные как из Полного собрания законов Российской империи, так и архивных документов.

Проводимая во второй половине XVI — начале XVIII в. администрацией страны внутренняя политика включала в себя множество «адресных программ» для населяющих ее подданных. В долгосрочной перспективе последние должны были стать полноправными гражданами державы. Чуваши в их числе не стали исключением. В рассматриваемый период в законодательных актах наиболее отчетливо стали проявляться контуры имперской политики и характер развития правовых отношений. Чуваши как подданные исполняли различные социальные обязанности. Экономическая идентичность (С.И. Каспэ²) присоединенных народов, как и основной массы чувашского населения, выражалась в ясных отношениях. В целом у народов Среднего Поволжья довольно рано проявились признаки российской идентичности благодаря льготному административному и налоговому режиму³. Проявление лояльности к царскому

режиму и одновременно сохранение своей национальной и конфессиональной идентичности были присущи, пожалуй, всем нерусским народам Русского государства во второй половине XVI — начале XVIII в.

Нами также предпринята попытка оттенить проведение имперской политики в Среднем Поволжье и показать особенности ее реализации здесь на фоне таких территорий, как Башкирия, Сибирь, Кавказ, Центральная Азия, Польша и Финляндия. Такой прием нами используется далеко не случайно. Каждый регион, вошедший в состав России, подвергался мощному внешнему воздействию одного и того же порядка. Это: собственно присоединение/завоевание; постепенная инкорпорация в структуру государства; ассимиляция⁴. Подчеркнем также, что названный подход позволяет определить для чувашей и свое место в правовом поле многонационального Российского государства.

I. ЯСАЧНЫЕ ЧУВАШИ: СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС

Все составляющие российской имперской политики на присоединенных территориях тесно переплетены с такими вопросами, как организация институтов административного управления, наложение на новоподданных запретительных мер и предоставление им льгот и привилегий, регулирование отношений в идеологической, социальной, экономической, культурной и национально-конфессиональной сферах. Включение территории покоренного Казанского ханства потребовало от Московии проведения в отношении его народов взвешенной политики. Одним из ее составляющих являлся такой универсальный социокультурный инструментарий, как ясак. С его помощью администрация страны решала ряд стратегических задач. Сразу же после падения Казани царь Иван IV послал к населению присоединенной территории «жаловальные грамоты опасные» с тем, чтобы они покорились русскому царю и стали его подданными. Взамен обещалось сохранить их прежний социально-правовой статус: «они бы ясаки платили, якоже и прежним Казаньским царем»⁵. Царь следовал правовым нормам своего времени: покоренные народы платили ясак победителю в знак признания его верховной власти⁶. Плательщики ясака составляли особую социальную

катеорию государственных крестьян. По статусу чуваши являлись лично свободными. Они, как и другие народы, проживали на территории Казанского ханства, где до присоединения к Русскому государству существовало ясачное обложение.

Примечательно, что удмурты Вятского края и западная мордва состояли в категории черносозных и дворцовых крестьян⁷. Они, в отличие от чувашей, намного раньше приняли подданство Московии и не были под властью казанских царей. Поэтому на северных удмуртов, бесермян и бывших арских князей распространялась система даннических отношений с введением валового оброка⁸. Управление дворцовой мордвой Темниковского, Алатырского и других уездов также имело свои особенности. В Мордовском крае существовали различные административные должности: «мордовские головы» с собственным штатом служителей, «у бортников и мордвы воеводы» и т.д.⁹ Сборщики имели право взимать налоги с мордвы только с разрешения дворцовой администрации¹⁰.

Одной из эффективных мер по инкорпорации населения Поволжья в состав Московии являлось предоставление льготного периода по уплате ясака. В 1551 г., как сообщают летописи, принявшее присягу русскому престолу население Горной стороны царь Иван IV освободил от ясака на три года¹¹. По истечению «налоговых каникул» на новых подданных возлагалась обязанность вносить в казну ясак. По уставной грамоте царя Ивана IV 1574 г. чувашей Верхнесундырской и Ишлейской волостей Чебоксарского уезда обязали регулярно «оброку в нашу казну, медвиной и куниной платить и с пошлинами по старине» или вносить с 1 батмана меда деньгами по 10 алтын¹².

Удмурты же из-за участия в антиправительственных выступлениях вышеуказанных льгот и особых пожалований, как чуваше, не получили¹³. Правительством была организована карательная кампания против повстанцев. В ходе нее Арская сторона подверглась разорению. Основная часть верхушки южных удмуртов была уничтожена, что привело к раздаче пустующих земель и укреплению дворцового и помещичьего землевладения¹⁴. В конечном итоге, удмурты, винясь, клятвенно обещали царю, что «они всю землю государю бьют челом и ясаки дають»¹⁵.

Русское правительство, оставляя чувашей на ясаке, одновременно решало вопрос и об их землевладении. С одной сто-

роны, государство в лице царя-покровителя выступало в роли гаранта. С другой — розданные ясачникам земли свидетельствовали о ненарушении существовавших ранее норм земельного права на территории бывшего Казанского ханства. Юридическое оформление ясачных земель шло постепенно. В первую очередь, земли бывшего Казанского ханства подверглись учету в различных кадастровых документах (в писцовых, межевых, переписных, перечневых и других книгах). Как правило, регистрировались пашни, сенокосы, бортные ужожи и бобровые гоны, находившиеся во владении ясачных общин. Так, в писцовой книге Свияжского уезда 1612/13 г. за чувашскими ясачными людьми и «латышскими и немецкими детьми» починков Климов, Араклей, Ондрюшин, Тлешев и Чюрашев числились в трех полях 170 чети пашни, 120 чети перелога и «дикова поля», сенных угодий на 900 копен¹⁶. На свои тяглые земли и оброчные угодья ясачные крестьяне старались получать от властей удостоверительные акты, в том числе на освоенные участки в районах обширного «дикого поля»¹⁷.

Своеобразный итог геополитики в Волго-Уральском регионе и экономического освоения присоединенных земель подвело Соборное уложение 1649 г. В 43-й статье 16-й главы свода законов говорится о запрещении проводить сделки с ясачными и поместными землями нерусских народов («А в городех у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у чуваши, и у черемисы, и у вотяков, и у башкирцов <...> и всяких чинов русским людем, поместных и всяких земель не покупати и не меняти и в заклад и здачею и в наем на многия годы не имати»)¹⁸. Это положение отразилось и в наказных статьях воеводам¹⁹. В 1701 г. назначенный курмышским воеводой стольник М.В. Шишкин обязался следить, «чтоб никакие русские люди служилые и несслужилые» не захватывали земли «у мурз, и татар, и чуваши и черемисы»²⁰. Ясачные земли составляли государственную собственность. Поэтому не разрешалось ни при каких случаях («ни по которыми делом») выдавать «закладные записи», «заемные кабалы» и иные акты («крепости»), связанные с землями ясачных людей. А если такие сделки были заключены, то их условия не имели юридической силы. Воеводам о подобных случаях следовало ставить в известность приказ Казанского дворца²¹. Таким образом, спра-

ведливым видится утверждение о том, что чувашские земли не стали объектом раздачи ни светским, ни духовным феодалам, важную роль сыграли, по-видимому, мирное вхождение «Горней стороны» в Российское государство и особый статус, установленный для нее в жалованной грамоте Ивана IV от 1551 г.²²

Процесс формирования нового правового пространства в многонациональном Среднем Поволжье во второй половине XVI — первой половине XVII в. из-за малочисленности законодательных актов трудно поддается анализу. Все же можем предположить, что он шел преимущественно на компромиссных началах. Вопросы о землевладении и ясаке регулярно регламентировались в наказах воеводам и другим должностным лицам вплоть до 1724 г. Главное в политике правительства заключалось в прикреплении ясачных людей к тяглу, что означало «государеве казне прибыль чинить, смотря по тамошнему делу»²³.

Одним из способов увеличения доходов являлось создание правовых условий для введения в оборот заброшенных земель. Результатом освоения «дикого поля» стало возникновение новых населенных пунктов, основанных ясачными и служилыми людьми. В фискальных интересах воеводы удовлетворяли просьбы населения, оформляя различные акты. По ним ясачные чуваша имели право владеть различными категориями земель, пользоваться льготой по неуплате ясака на несколько лет, а также приглашать других крестьян «на новоприбылые ясаки»²⁴. Так, в мае 1635 г. чуваша д. Була Ногайской дороги Казанского уезда получили царскую грамоту на пустошь. Выяснилось, что земля по приходной хлебной книге на ясаке ни за кем не числится и лежит «в пусте». Воевода боярин И.П. Шереметьев разрешил чувашам пользоваться просимой пустошью и положил на них «вноше три ясака» сверх «старых своих на девяти ясаков с полу ясаком», а также дал право «товарыщей им к себе на ту пустошь на новоприбылые ясаки призывать». Ясак они начинали платить со следующего года²⁵. В 1670-х — 1680-х гг. казанских воевод обязали завести в уезде десятинные пашни. Это должно было принести прибыль казне. На эти цели с каждого двора чувашей, марийцев, мордвы собиралось по 10 алтын²⁶.

Воеводская власть следила на вверенной территории за порядком взимания оброка согласно установленному окладу. Беглых ясачных крестьян воеводы должны были возвращать на прежнее место жительства²⁷. При определении размеров оброка для пришедших ясачных людей они исходили от имущественного состояния последних: «на них положить смотря по их прожитком и по промыслом»²⁸. Любопытный факт. Ясачные чувашки не только пользовались наделенными правами, но и отстаивали их. Например, в составленной в ноябре 1648 г. жителями Чебоксарского уезда челобитной был поднят вопрос о несправедливом сборе ясака. В конечном итоге центральная власть постановила: «вместо всей чебоксарской черемисы, детей их малых, в ясак класть не велено»²⁹.

Процесс вхождения чувашей в правовое пространство Русского государства отражен в ряде законодательных актов, принятых после Соборного уложения 1649 г. Осенью 1682 г. боярским приговором установлен запрет на выдачу русским помещикам оброчных ясачных земель в поместье («чувашския оброчныя, ясашныя, и покидные татарския земли в поместье впредь не давать, и оброк с них не снимать, а отдавать оброчныя земли чувашей... на оброк»)³⁰. Правительство, преследуя свои фискальные интересы, в правовых актах 1680-х — 1690-х гг. напоминало о том, что ясачные чувашки должны быть закреплены в тягло. В «Сыщикове наказе» 1683 г. они наравне с татарами и марийцами обязаны были «ясак государев платить по-прежнему сполна»³¹. В 1685 г. были приняты специальные статьи, по которым писцы решали вопросы межевания земель в чувашских, мордовских и марийских селениях. Писцам предписывалось обращать внимание на размеры пашен, лугов, лесов, сенокосов и бортовых угодий и вести их особый учет³². В 1686 г. в Русском государстве было объявлено «О сборе денег с дворового числа на жалованье войску» по 1 руб.: «с чувашских, и с ясашных людей по рублю с двора»³³.

В фискально-финансовом деле воеводские учреждения часто обращались к писцовым и переписным, ясачным и другим книгам вверенного уезда. Важность их учета и передачи от одного воеводы к другому подчеркивалась в изданных царских наказах³⁴. Они содержали основные статьи сборов с ясачных людей. Воеводы с помощью них производили раскладку

податей и оброков, регулировали вопросы о несении различных повинностей³⁵. Чуваши, как и другие ясачные люди, участвовали в городском и засечном деле, заготовке леса и т.д. Они обязаны были вносить в казну многочисленные подати, оброки и пошрины, а также чрезвычайные налоги³⁶.

Для участия в военных походах с чувашей и других народов, состоявших на ясаке, набирали одного воина с трех ясаков³⁷. А для западной мордвы, видимо, из-за ее инкорпорации в состав Русского государства, существовал следующий порядок набора на службу. Так, в начале XVII в. в Темниковском уезде проводился учет военно-служилого населения. Наборщики князя Тенишевы были обязаны переписать татар, за исключением мордвы, поименно. Правительство предоставило право мордве самой определять воинов на царскую службу: «мордве велети на государеву службу верстатись меж себя самим по прежнему обычаю как они хаживали на государеву службу преж сего»³⁸.

В законодательной практике страны встречались случаи, когда в зависимости от уровня социально-экономического развития и политической продвинутости народов, проживающих на той или иной территории, вводились изменения в налогообложение. Со второй половины XVI по первую четверть XVIII в. ясак для чувашей являлся основной учетно-фискальной единицей. В 1724 г. он был заменен подушным эквивалентом. В 1740-х гг. в Башкирии ясак постепенно был приравнен к размеру подушной подати. В 1754 г. он здесь и вовсе был заменен принудительной покупкой соли по фиксированной цене³⁹. В Сибири ясачный сбор сохранился вплоть до начала XX в.⁴⁰

Взвешенность и гибкость имперской политики проявлялись в регулировании ясачных отношений на вновь присоединенных территориях. Особое положение занимали делегации, просившие под «царскою высокою рукою быть». В начале XVII в. в жалованной грамоте в знак принятия российского подданства калмыкам разрешалось вносить в казну ясак «лошадьми по их воли, сколько они дадут»⁴¹, «имати с них лошадьми и верблюдами или иным чем, чтоб им не в нужу»⁴².

И в других местностях Российской империи в начальный период ее существования этносам предоставлялось право платить ясак на выгодных льготных условиях. Так, в 1731 г. в

пунктах договора о принятии казахами Малого жуза российского подданства устанавливался порядок регулярной платы ясака по примеру башкир. Объясачивание традиционно воспринималось казахскими правителями как приведение себя в вассальную зависимость с сохранением собственной политической автономии⁴³. С принятием в 1822 г. Устава о сибирских киргизах казахи Среднего жуза выплачивали в российский бюджет натуральный налог со скота (из 100 голов 1 голову). Правительство, ликвидируя ханскую власть, временно освободило население от выплат налогов⁴⁴. На Кавказе вплоть до начала 1860 г. не было постоянных и единых форм налоговых сборов и повинностей. В горных селениях встречались разные виды ежегодной подати (ясак)⁴⁵.

Земельный вопрос московское правительство решало по-разному. Если чувашские крестьяне пользовались государственной землей на правах ясачников, то башкиры — на условиях вотчинного права. Полукочевые башкиры-скотоводы в рамках волостной территории правительством были признаны феодальными землевладельцами, так как они, в отличие от чувашей, владели не общинными, а собственными землями. Башкирская волость (община), просуществовавшая вплоть до первой половины XIX в., представляла собой объединение членов родоплеменного образования, являвшихся совладельцами вотчинной земли⁴⁶. Государственная монопольная земельная собственность в лице башкир-вотчинников породила новую форму землевладения в виде припуска, то есть аренды. В составе припущенников находились и крестьяне-переселенцы, в том числе вышедшие из Среднего Поволжья ясачные чувашаи⁴⁷. На протяжении XVI—XVII вв. башкирские рубежи являли собой буферную зону: они ограждали Русское государство от опасности, исходящей от соседних государств. Даруя преимущества в земельном вопросе, правительство преследовало цель, с одной стороны, опереться на иррегулярные военные силы башкир, с другой — по мере их инкорпорации прикрепить к земле. Проводимая в Сибирском регионе политика была схожей с мерами, принимаемыми в Поволжье⁴⁸. Главной задачей правительства являлось стремление сохранить в пользовании местного населения основной части земельного фонда, обеспечивая этой мерой выполнение им уплаты в казну ясака.

II. СЛУЖИЛЫЕ ЧУВАШИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ

Русская администрация осторожно подходила к решению вопроса о ликвидации прежних властных структур и учреждений. В частности, были сохранены некоторые административно-территориальные единицы ханства — дороги. Наравне с ними существовали сотни, доли. Все они были «пристегнуты» к уездной воеводской системе управления с центрами в городах-крепостях. В 60-х гг. XVI в. окончательно был учрежден приказ Казанского дворца, который взял на себя особые функции по выработке и реализации политики Московии⁴⁹. Особый статус приказа Казанского дворца получил отражение и в Соборном уложении 1649 г.: «давать суд... опричь понизовых городов, которые города ведают в Казанском дворце»⁵⁰.

Привилегированная чувашская знать поступила на службу к русскому царю. Она сохранила прежнее социальное положение. Как сообщается в уставной грамоте царя Ивана IV 1574 г., во главе Верхнесундырской и Ишлейской волостей Чебоксарского уезда стояли десятные князья (по-чувашски *вунтӳ*) Ертоул и Килдиш Енаев. Кроме них упоминаются «лучшие люди», являвшиеся представителями местной верхушки⁵¹. Преимущественно из среды последних выбирались сотники, пятидесятники, старосты. В Соборном уложении 1649 г. (пункт 45 главы 18), помимо указанных должностей, упоминаются и тарханы⁵². Институт служилого тарханства был унаследован от ханской эпохи, постепенно растворившись в новой системе местного управления⁵³.

Авторитет и статусное положение князей, мурз, тарханов, сотников, десятников и старост позволяли правительству транслировать свою политику в среду крестьянского социума. Первым было вменено в обязанность собирать ясак и другие налоги. В наказе казанскому воеводе 1677 г. отмечалось, что «зборщики чювашские сотники и толмачи» с ясачных чувашей Казанского уезда с десятинных пашен собирали по 10 алтын со двора⁵⁴. Согласно указной грамоте 1679 г. козьмодемьянскому воеводе в сборе налоговых статей оказывали помощь сотники и десятники. Примечательно, что при их участии «чюваше, налог и обид от посыльщиков никаких

не бывает»⁵⁵. В другом наказе 1697 г. воевода должен был во избежание злоупотреблений со стороны должностных лиц следить за тем, чтобы «уездным людем самим, выбрав из себя лучших и пожиточных людей... из ясачных людей со всех дорог по 5 и по 6 человек... доходы с ясачных людей собирать по окладу сполна»⁵⁶.

Основной обязанностью верхушки чувашского населения являлась государева служба. Не случайно в наказах воеводам вводился специальный пункт, по которому вновь присланный царский назначенец должен был перед служилыми людьми произнести государево жалованное слово⁵⁷. В 1613 г. чебоксарскому воеводе Ф.И. Михалкову предписывалось сказать царское жалованное слово, «что их, чебоксарских дворян и детей боярских и князей и мурз и тотар служивых и ясачных и посадцких людей <...> правда и служба государю и всей земле ведома, и за тое их прямую службу и за правду государь хочет жаловать великим своим жалованьем»⁵⁸.

Служилые люди активно участвовали в военных походах, несли различные службы. По уставной грамоте царя Ивана IV 1574 г. сотники и «лучшие люди» для несения ратной службы определяли ясачных крестьян⁵⁹. В 1680 г. тарханы и те, кто нес полковую службу территориально «по Симбирск... и по Симбирской черте», были переведены из ведомства приказа Казанского дворца в Разрядный приказ⁶⁰.

Во второй половине XVI в., с исчерпанием необходимости в услугах арских князей как посредников между центральной властью и вновь присоединенными к Русскому государству народами, правительство отняло у них тарханские права и привилегии, включив в состав чернослошных крестьян. В 1583—1588 гг. на севере Удмуртии бывшие крепостные арских князей удмурты и бесермяне получили право экстерриториальности⁶¹. Во второй половине XVII в. ужесточилась политика государства в Башкирии. Причина — успехи царской администрации в строительстве городов-крепостей и урегулировании отношений с калмыками. Башкиры начинали терять свое преимущество в обороне юго-восточных границ⁶². По указам 1672 и 1677 гг. правительство намеревалось ликвидировать тарханские грамоты, дававшие служилым мурзам и татарам вести беспощинную торговлю и промысел в понизовых городах⁶³.

Перемены коснулись и служилых людей. В XVII в. татары, как и мордовские мурзы, а также русские служилые люди «по прибору» постепенно утрачивали свои привилегии в Мордовском крае и сливались с государственными крестьянами. Потомки мордовских и татарских князей и мурз, лишенных тарханских льгот, пополнили ряды дворцовых крестьян⁶⁴. Такая же тенденция наблюдалась и в Сибири. По мнению исследователей, во второй половине XVII в. татарская служилая знать постепенно потеряла свои привилегии, а ее земельные владения сократились. В конечном итоге она стала фактически в одинаковом положении с массой русского мелкого служилого люда⁶⁵. Таким образом, правительство в ходе интеграционного процесса реализовывало различные подходы в отношении национальных элит. Правда, решения по расширению или сужению их прав принимались взвешенно.

Своеобразный промежуточный итог политики государства XVII в. был подведен в 1724 г., когда в состав государственных крестьян были низведены служилые люди из чувашей и других нерусских народов, в том числе тарханы⁶⁶. При этом последние мало что сохранили от прежнего юридического статуса: могли лишь пользоваться жалованными землями и нести лашманскую повинность. Институт тарханства у башкир также просуществовал недолго — до 1750—1760-х гг.⁶⁷ Чувашская знать, имевшая определенные привилегии, не добилась сколь-нибудь значимых успехов в продвижении по сословной лестнице. Лишь единичным представителям нерусского населения Среднего Поволжья удалось пробиться в российское дворянство. Для сравнения: в XVIII—XIX вв. на вновь присоединенных территориях национальные элиты сохраняли статус-кво, получали признание знатного положения.

Избирательность в политике правительства объяснялась тем, что она зависела от востребованности в службе конкретных лиц или отдельных категорий населения. Правительство оказывало всяческую поддержку одним, лишая других ранее предоставленных преференций. Скажем, в конце XVI в. в южной Удмуртии большинство местных князей утратило свое статусное положение. В то же время представители татарской знати, пользуясь привилегиями, получали земельные пожалования. Так, в 1582 г. князь Б. Яушев стал владеть Терсинской волостью

с живущей на ее территории «чувашой»⁶⁸. В Уфимской губернии, в отличие от Казанской и Пермской, у мусульман было «много возможностей для службы», и, соответственно, больше шансов стать дворянами⁶⁹. В Башкирии на смену тарханам и другим управленцам низового звена пришли старшины, которые стали проводить в башкирском социуме проимперскую политику. На законодательном уровне в 1783 г. был принят указ, разрешавший поступать на военную службу и награждать офицерским званием татарских мурз и других лиц мусульманского вероисповедания⁷⁰. Кардинальные изменения произошли здесь с введением в 1798 г. кантонной системы. С этого времени в Башкирии начала формироваться военная элита, которая постепенно, вплоть до 1863 г., вошла в чиновничье-административную систему России⁷¹. Некоторая ее часть получила дворянство⁷².

В Польше и Финляндии региональные элиты поступали на службу российскому императору, получив лояльность со стороны верховной власти. Польская шляхта была приравнена к русскому дворянству, что давало широкие права продвигаться по служебной лестнице, сохранить за собой земельные владения, крепостных крестьян, а также занять ключевые посты на местном управлении⁷³. В схожем социальном положении оказалась финская элита, которая, воспользовавшись автономией, сумела укрепить свои позиции⁷⁴.

В Центральной Азии в XVIII—XIX вв. правящие верхушки административных автономий стали утрачивать власть. Ханства и другие территориальные образования постепенно упразднялись, и вместо них учреждались особые правления (военно-народное или комендантское управление), административные округа, военные отделы⁷⁵. Все же особое положение этнических элит сохранялось. Например, в казахском обществе султаны-чингизиды по Уставу о сибирских киргизах 1822 г. имели исключительное право занимать административные должности, а также были освобождены от выплаты налогов и телесных наказаний⁷⁶. В Кавказском регионе присоединенные в различные периоды к России ханства были сохранены в виде административных автономий. Во главе этих образований стояли лояльные по отношению к российской державе правители, которые передавали свою власть по наследству. Здесь стар-

шины нередко титуловались «князьями» и «дворянами». Кабардинские и кумыкские княжеские фамилии и вовсе были признаны в княжеском достоинстве Российской империи⁷⁷.

III. ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА И ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ

Наиболее эффективным инструментом принуждения присоединенных народов являлся институт аманатства — обычай брать ясак «под аманаты»⁷⁸. В Московии он широко стал использоваться со времени присоединения территорий бывших Казанского, Астраханского и Сибирского царств. В законодательных актах второй половины XVI — XVII в. содержатся лишь фрагментарные сведения о заложниках. В наказах воеводам, служившим в Ядрине, Чебоксарах и Казани в 1611—1613 гг., сведения о применении института аманатов, как и в Соборном уложении 1649 г., не содержатся. В наказе царевokokшайскому воеводе 1628 г. указываются заложники из числа нерусского населения Среднего Поволжья: «Да воевода же Василью Воронову, будучи в Цареве Кокшайском, имати в оманаты царевokokшайскую черемису по переменам против прежнего государева указу лутчих людей столько ж человек, кольким им в оманатах быти указано»⁷⁹. Из его содержания следует, что практика брать в заложничество из местных жителей Царевokokшайского уезда существовала задолго до назначения воеводой В. Воронова.

В Поволжье, как и в Сибири, для удержания в покорности населения и выколачивания из него денежных сборов, в специальных дворах удерживали аманатов («закладчиков») из числа состоятельных ясачных крестьян. Согласно писцовой книге Курмышского уезда 1624—1625 гг., на посаде рядом с крепостью располагался новый аманатный двор⁸⁰. В 1638 г. «татарский аманатский двор» существовал в г. Свияжск⁸¹. Под лучшими людьми правительство понимало «прожиточных, которые б в татарех и в чюваше, и в черемисе... были крепки и владетелны, и семянисты, и кому б мочно было верить»⁸². Для сравнения: в Сибири «в острожке в аманатах» содержали «лучших» князей или людей из одной волости (1—2 чел.). Сроки их содержания были от месяца до года⁸³.

В Чувашском крае институт аманатства широко практиковался на начальном этапе их интеграции в правовое поле страны. Как правило, заложников из чувашской среды содержали в городах-крепостях, острогах. На службу в аманатный двор определялись назначенный центральными учреждениями (например, приказом Казанского дворца) дворянин и его помощник из числа подьячих, который вел аманатные книги⁸⁴. Лишь в конце XVII столетия в наказах воеводам исчезают положения об аманатах⁸⁵.

С приобретением Россией новых территорий в XVIII—XIX вв. география применения института аманатства расширялась. Несмотря на то, что заложническая практика в Поволжье изживала себя, русская администрация стала ее апробировать в Центральной Азии, на Кавказе⁸⁶. Наиболее результативными оказались методы военно-полицейского нажима российского правительства в Казахстане⁸⁷.

Условия присоединения территорий к Российскому государству, видимо, играли большую роль при установлении института заложничества. Аманатные дворы отсутствовали, к примеру, в Мордовском крае⁸⁸. Следует полагать, что правительством были взяты в расчет как особое положение восточной Мордовии и длительный ее интеграционный процесс в Русское государство, так и включение мордвы в состав дворцового ведомства (хотя часть мордовского населения находилась в Казанском ханстве и платила ясак). В 1618 г. была вручена жалованная грамота, по условиям которой вместо уплаты ясака и дачи аманатов часть калмыков была принята на военную службу⁸⁹. Применение данного социального института также зависело от степени инкорпорации населения того или иного региона в структуру Российского государства. Если с конца XVII в. в Чувашском крае аманатные дворы исчезают, то они вплоть до 1730-х гг. продолжают действовать в Башкирии⁹⁰. В Сибири система дачи аманатов просуществовала до 1760-х гг.⁹¹

Во второй половине XVI в. для стабилизации ситуации в бывших землях Казанского ханства активно возводятся города-крепости. Из «Нового летописца» известно, что царь повелел «ставити во всей Черемиской земле города, — и поставиша на Нагорной и на Луговой стороне город Какштугу и город Цывилеск и город Уржум и иные многие города, — и насади

их рускими людьми и тем он, государь, укрепил все царство Казанское»⁹². Правительственные меры не могли не затронуть правовые интересы местного населения. Удобные для строительства крепости земли изымались у ясачных людей. Последних выселяли на расстояние 10—12 верст. Аналогичной оказалась судьба сюрбеевских чувашей, владевших на территории построенного Цивильска «грацким местом и выгонною землею»⁹³. Правительственная деятельность по запрету ясачным людям селиться вблизи административных центров действовала в регионе Среднего Поволжья и Приуралья⁹⁴.

Во второй половине XVI — XVII в. на территории Поволжья были введены ограничения на осуществление кузнечного и серебряного дела, запрещалась реализация нерусским народам заповедных товаров. Наиболее ранние дошедшие до нас юридические акты о запрете заниматься кузнечным и серебряным делом относятся к 1633 и 1645 гг. Чувашам, как и нерусским поволжским народам, торговцы не продавали заповедные товары, которые могли быть использованы в изготовлении ими вооружения и военной амуниции («велети тем татаром и черемисе торговати и меняти всякие товары, опричь заповедных товаров»)⁹⁵. Ограничения продублированы и в наказных статьях казанским воеводам 1649, 1677, 1686 и 1697 гг.⁹⁶ В статьях 8 и 9 наказа казанскому воеводе П.Л. Львову (1697), к примеру, читаем: «чтоб в Казанской уезд в чувашу и в черемисския волости... пансырей, пишалей и никакого железа, что годно к войне, не продавали... по тому ж кузнечнаго б и серебрянаго дела чуваша и черемиса не делали»⁹⁷. В 1670-х — 1680-х гг. были введены ограничения и на продажу соли⁹⁸.

Как и в случае с аманатными дворами, в деле реализации запретительных мер правительство шло на определенные уступки. Из статей воеводских наказов 1649, 1677, 1686 и 1697 гг. явствует, что чувашам и марийцам разрешалось покупать топоры и сельскохозяйственные орудия. Правда, воеводы обязаны были следить, чтобы им торговцы отпускали лишь установленный объем металлических товаров. Так, в наказе 1649 г. оговорено следующее: «Только б им продавали торговые и всякие люди такие товары от невелика, чем мочно в год пробить, а лишнего б вперед на запас никто тех заповедных товаров не покупали»⁹⁹.

Обычно подобные дискриминационные методы вводились в исключительных случаях, причем на определенное время. В условиях постоянных набегов крымцев, ногайцев и других «воровских людей» строительство засечных черт и крепостей являлось актуальной задачей. В наказе 1622 г. говорилось, что засечный голова со своим войском должен следить, чтобы неприятели «не прошли и Свияжскому бы уезду и Горные стороны уезным людям какие порухи не учинили». Населению запрещалось пользоваться объявленными правительством «заповедными» лесами («...чтоб в засеку, в заповедной лес, ни кто ни по что не ходили и заповедного лесу не секли, и лубья не снимали, и лыка не драли, и смолы и дехтю не курили, и по ягоды не ходили, и дорог и стежек накладывали, и засеке и засечному лесу порухи никто никакие не чинили»)¹⁰⁰. К середине XVII в. чувашским, татарским, марийским, удмуртским и мордовским крестьянам Казанского края запрещалось оставлять свои ясачные земли и переезжать в другие районы¹⁰¹. Приведенные положения также были закреплены в указах конца XVII столетия¹⁰².

В схожей ситуации оказались ясачные люди в пограничных районах с Китаем. По Инструкции 1728 г. они были причислены к конкретным родам и переход из одного рода в другой запрещался¹⁰³. В 1736 г. в связи с восстанием башкир правительство ввело запрет на кузнечное дело, который корректировался указами вплоть до 60-х гг. XVIII в.¹⁰⁴ В 1739 г. был опубликован указ «О запрещении башкирцам входить вооруженным в Киргиз-Кайсацкие орды»¹⁰⁵.

С переходом на подушевую систему налогообложения постепенно росло число беглых крестьян, покидавших свои общины. Часть крестьян обживалась в Башкирии и Сибири. Правительство предпринимало попытки по выселению их на прежние места жительства¹⁰⁶. В интересах казны и полицейского контроля в 1719 г. вводится паспортная система, имевшая словный характер¹⁰⁷.

Совершенно в другой плоскости имперской политики оказались Польша и Финляндия. Правительство из-за особого статуса этих регионов старалось использовать иные административные, экономические, социальные, религиозные и культурные методы интеграции, отличные от методов, использо-

вавшихся в Поволжье, Башкирии, Сибири и Центральной Азии. Однако это не означало, что в отношении граждан автономных образований нельзя было ввести дискриминационные меры. Закономерным являлся тот факт, что в зависимости от лояльности подданных, эти методы ужесточались или отменялись. Так, отправной точкой для введения ограничительных мер в Польше стало восстание 1830 г. Итогом подавления повстанцев стали издание в начале 1832 г. «Огранического статута», ликвидация польской армии, упразднение сейма, конфискация имений и т.д.¹⁰⁸ Некоторые исследователи видят в этом тенденцию интеграции статуса, правовой системы и администрации Царства Польского в общеимперскую государственно-политическую систему¹⁰⁹. В 1860-х гг. вводились законодательные акты дискриминационного характера, ограничивавшие в правах лиц польской национальности. В частности, был издан указ от 10 декабря 1865 г., запрещавший полякам приобретать имения¹¹⁰. Из содержания указа следует, что «правительство должно прибегнуть к такой мере, которая посредством устранения лиц польского происхождения от права приобретать вновь имения в западном крае <...> окончательно преградила бы возможность усиления сего класса»¹¹¹.

IV. СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ ПРАКТИКА

Общая обстановка и успех правительственной политики на местах зависели от того, насколько судебные институты успешно решали насущные вопросы населения. Верховная власть готовила локальные юридические нормы, которые включались в общий корпус государственного законодательства — как правило, в масштабе отдельных регионов¹¹². Выработка правовых норм в Среднем Поволжье растянулась на продолжительное время. Они сочетали юридические основы ханского периода и Русского государства.

Одним из сложных периодов для освещения правовой системы в отношении чувашей является время до принятия основного закона государства — Соборного уложения 1649 г. В Поволжье со второй половины XVI в. шел процесс освоения присоединенными народами русского суда. (На начальном этапе интеграционных процессов русские правители мало придавали

значения суду, при сложных ситуациях в ход пускались карательные отряды.)

Чуваши, как и другие нерусские народы бывшего Казанского ханства, получили право обращаться в судебные и иные инстанции с момента дачи царю Ивану IV присяги. Международно-правовой акт шертования на российское подданство породил право России на полную юрисдикцию над народом и территорией его проживания. На новых подданных распространялась административная и судебная власть¹¹³. В 1551 г. чуваши, проживавшие на Горной стороне, получили жалованную грамоту с золотой печатью, свидетельствовавшую об их вхождении в состав Русского государства¹¹⁴.

Если административная власть более-менее была равномерно распределена между воеводами и представителями местной элиты, то судебная власть была сконцентрирована только в руках воеводской администрации. По наказной памяти 1555 г. казанский архиепископ Гурий ведал церковным судом, вел контроль над исполнением воеводами своих функций в отношении «татар», имел право в случае принятия осужденным православной веры или тогда, когда «придут о нем иные татарове бити челом о печалованье», отменить вынесенные приговоры¹¹⁵.

Судебник 1550 г. представлял собой источник права для судебных учреждений Русского государства. Правительство, нуждавшееся в сильных местных правителях на присоединенных территориях, наделило военных чинов — воевод — судебными прерогативами. Согласно уставной грамоте царя Ивана IV 1574 г., «а наместником нашим и воеводам... управа чинить в суде безволокитно». Головы же вершили суд над детьми боярскими и служилыми людьми, «докладывая бояр и воевод» кто прав, а кто — виноват¹¹⁶. Применявшаяся в уездных городах региона судебная практика получила отражение в наказах воеводам 1611—1645 гг.¹¹⁷

Воеводы обязаны были «ко всяким людем ласку и привет держать», судить беспристрастно: «делати в правду, по дружбе и по посолу никому ни в чем не норовити и по недружбе не мстити», «безволокитно вправду»¹¹⁸. В 1613 г. воевода Ф.И. Михалков обязан был «чебоксарских всяких служивых и жилетцких людей судити и розправа меж ими чинити» и «во всех великих делех судити». Судебными функциями также был на-

делен чебоксарский голова, которому «велели ведать чебоксарских князей и мурз и тотар и судити ему всякие дела в ысцовых искех до пяти рублей, а болши пяти рублей судити ему не велеть»¹¹⁹. Возможно, в 1628 г. собираемая с марийцев судебная пошлина была равна аналогичной сумме, взимаемой с чувашей и других нерусских народов. В отличие от русских, она составляла вдвое меньше («А с судных дел судне пошлины и пересуду, и правой десяток имати с русских людей с рубля по гривне да пересуду и правого десятка по семи алтын по две денги, а с черемисы против того вполь») ¹²⁰. В наказе кокшайскому воеводе 1645 г. о суде практически ничего не сказано. В то же время воевода имел право проводить широкие судебные-следственные мероприятия: осуществить сыск и допросы, применить очные ставки, заключить под стражу и содержать в тюрьме, пытать, санкционировать смертную казнь¹²¹.

Большую роль в вынесении судебных вердиктов играл приказ Казанского дворца, в котором аккумулировались все судебные прецеденты, вырабатывались единые подходы. Особенно ярко это можно проиллюстрировать по записям пошлинных книг Печатного приказа за 1613 г.¹²² В указных грамотах воеводам в подвластных уездах вменялось в обязанность начать сыск по различным правонарушениям («о управе», разбое, грабеже, «в бою», «про насильство», «про поклеп», «в убытках», «о животех», «в убийстве», «в татбе») ¹²³. Все эти акты, исходявшие от властей, свидетельствовали о распространении русского права среди нерусских подданных царской короны. К слову: якуты, в отличие от других народов Сибири, лучше приспособились к русской судебной практике, что подтверждается частыми их обращениями к воеводскому суду¹²⁴.

Северные удмурты и бесермяне, ввиду их особого положения, были выведены из-под юрисдикции местной администрации, а судебные дела раз в год разбирались в Новой чети¹²⁵. Аналогичной была судьба дворцовой мордвы. Все судебные дела, кроме уголовных, находились в ведении дворцовых учреждений. Эти нормы, видимо, введенные еще в XVI в., просуществовали вплоть до начала XVIII столетия¹²⁶. Подобные правовые отношения складывались в связи с тем, что указанные удмурты и мордва были лояльны к московской власти. Они, в отличие от многих народов Поволжья, принимали православие и рано обрусевали.

До принятия Соборного уложения 1649 г. на территории Среднего Поволжья, помимо воевод и голов, право судить чувашей имели и татарские сотенные князья. Так, в жалованной грамоте, составленной не ранее 1580/81 г., говорится о наделении княжеским титулом мурзы Темея, сына князя Кочака Тюляшева (Тюяшева). По ней Темею передавалось право управлять сотней и вершить суд: «княженъ быти потому ж, как и отец его в том княженъ был со князем Ишеем пополам и в той волости и отца своего княженъ в тех людей, которые в оной волости в отца его княженъ живут в своей половине, во всем ему судить и управа меж ими чинить безволоakitно на себя с рубля по гривне»¹²⁷. Эта практика существовала, по-видимому, также в Князь-Аклычевой сотне Свияжского уезда. Так, в 1638 г. население сотни во главе с сотником А. Ивановым сообщали, что «про государевы грамоты, каковы по челобитью Свияжского уезду татар и чувашаи о свияжских съезжие избы о подьячих в Свияжской присланы, не ведаем, потому что мы в те поры жили за князь Аклычем»¹²⁸. Таким образом, на начальном этапе инкорпорации правительственная деятельность в судебной системе заключалась в привлечении на свою сторону верхушки нерусских народов в лице сотенных князей и «лучших людей».

Воеводам и сотенным князьям при разрешении судебных тяжб приходилось прибегать к обычному и мусульманскому праву. Так, в 1729 г. ядринский воевода, разбиравший между двумя чувашскими крестьянами судебное дело, позволил ответчику и истцу пройти испытание: «...А ответчик тому же исцу в правде своей в том, что ево исца не бил и не увечил и показанного числа денег с мошнаю не отымывал **дал по их шерте веру и тот истец принял веру и пили и, пив, розлил** (выделено нами. — Д.Б.). Того ради, ево, исцу, в неправом ево челобитье бить батоги»¹²⁹. Обыденным было применение обычного права и сибирскими воеводами. С середины XVII в. бурят судили по их обычному праву. Лишь в начале XVIII в. Сибирский приказ отменил данную практику¹³⁰.

В 1649 г. статьи Судебника 1550 г. были заменены новыми нормами Соборного уложения, имевшими силу и в XVIII в. Они были составлены с учетом накопленного опыта управления над присоединенными территориями бывших Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. В судебно-следственной практике при-

бегали к повальным обыскам, допросам. Если русских и ново-крещен до начала следственных мероприятий приводили к присяге с целованием креста, то «чувашею, и черемисою... и всякими ясачными людьми по их вере по шерти»¹³¹. Для удостоверения своих слов чуваша из-за незнания грамоты должны были к следственным документам прикладывать свои знамена («у ясачных людей имати обыски за их знамяны») ¹³². Это положение было сохранено в принятых в 1669 г. в «Новоуказных статьях о татейных, разбойных и убийственных делах»¹³³. В 1672 г. был принят боярский приговор «О ведении судом и расправою понизовых городов... в приказе Казанского дворца», в котором «...и чуваша, и черемиса, и мордва судом ведомы, и ищут и отвечают в одном приказе Казанского дворца»¹³⁴. Он соответствовал содержанию 3-й статьи 13-й главы Соборного уложения 1649 г.¹³⁵

В законодательных актах XVII в. высшей мерой наказания была определена смертная казнь. Она применялась в отношении разбойников и других злостных правонарушителей. Отдельным указом от 8 августа 1659 г. правительство пыталось бороться с крестьянами, занимающимися разбоем в понизовых городах¹³⁶. Смертью также карались лица, которые принудят русских перейти к «бусурманской вере». Еще в наказе 1628 г. говорилось, чтобы «царевококшайская черемиса руских людей нигде... не бусурманили», то есть не обращали в языческую веру¹³⁷. О запрете распространения «бусурманской веры» (язычества, ислама или другой веры) сказано в 24-й статье 22-й главы Соборного уложения 1649 г.: «А будет кого бусурман какими нибудь мерами насильством или обманом руссаго человека к своей бусурманской вере принудит и по своей бусурманской вере обрежет... того бусурмана по сыску казнить, зжечь огнем безо всякого милосердия»¹³⁸. Этот правительственный курс был озвучен в 1728 г. в Наказе губернатора и воеводам («О развратниках в вере» и «О обрезывающихся в магометанство и о крещающих в иноверство») ¹³⁹.

При рассмотрении судебных прерогатив воевод и других должностных лиц важно обратить внимание на статьи наказов, посвященные вопросам сохранения порядка и соблюдения законности в управляемом уезде. Особенно актуальными они становились во время антиправительственных выступлений и восстаний. Воеводам ставилась задача предотвращать «шатость и смуту» среди уездного населения. В наказе 1611 г. предупреж-

далось, «чтоб ни в ком шатости никаких и лихих заводов и самовольства не было»¹⁴⁰. Для этого воеводам разрешалось организовывать тайную слежку за ясачными людьми, применять пытки¹⁴¹. Подсудным считалось занятие подпольным винокуренением (корчемством)¹⁴².

В 1686 г. именным боярским приговором было принято решение «Об освобождении от платежа проестей и волокит», по которому отдельно подчеркнуто, что «чуваши и черемисе наш великих государей указ чинить так же, как и руским всяких чинов людем, а проести... на чуваше и на черемисе и после суда не править»¹⁴³. Это узаконение применялось и при разборе судебных дел XVIII в. Так, в 1740 г. в сенатском указе отмечалось, что Юстиц-коллегия правомерно просила Казанскую губернскую канцелярию отменить вердикт в отношении татарина Е. Оляшева о взыскании «за проести и волокиты денег 150 рублей 90 копеек»¹⁴⁴.

На протяжении нескольких веков в судебной-правовой практике параллельно сосуществовали как общеимперские, так и архаичные нормы. Имевшиеся узаконенные нормы обычного права со временем менялись. В 1740-е гг. после христианизации чувашей известная формула «привести к присяге по их вере» была заменена на произношение клятвы на Евангелии, на изображении святых и т.д.

Традиционные правовые нормы народов постепенно входили в судебную практику местных органов управления Московии. Многие мелкие правонарушения решались внутри общин, где судопроизводство основывалось на обычном праве и судебных прецедентах. Вплоть до второй половины XVII в. возникшие земельные споры разрешались самими чувашскими общинниками без участия воеводской власти¹⁴⁵. В Сибири были введены так называемые суды родоначальников. После ясачной реформы судебными правами обладали князцы и старшины, которые могли вынести приговоры вплоть до выселения из родных мест своих сородичей¹⁴⁶. Среди казахов были бии, наделенные судебными прерогативами. В конце XVIII в. правительство пыталось отказаться от судов биев, организовав специальные судебные институты в Оренбурге¹⁴⁷.

С 1860 г. в Кавказском регионе мелкие уголовные правонарушения и земельные споры рассматривались по обычному, а гражданские — по мусульманскому праву. Это стало след-

ствием того, что одним из направлений реформы обычного права и общины являлось ослабление шариата и модернизация адатного права и процесса. В конечном итоге она имела цель подготовить постепенный переход горцев к единому российскому законодательству. Вместе с тем происходило уничтожение архаичных уголовных норм адата (кровная месть и др.)¹⁴⁸.

На законодательном уровне правительство путем судебной системы старалось решать другие задачи своей политики. Например, в Сибири из прагматических соображений местной администрацией искоренялся институт кровной мести, отменялась смертная казнь за убийство¹⁴⁹. В период массовой христианизации народов империи в 1740-х гг. были приняты беспрецедентные меры по оправданию принявших православную веру правонарушителей, вплоть до отмены смертной казни¹⁵⁰. Уставом 1822 г. вводился запрет на рабство у казахов¹⁵¹.

В конечном итоге распространение общеимперского законодательства основывалось на регионализме: от сочетания общеимперского, местного и традиционного законодательства до полного перехода на унифицированную систему общеимперского законодательства¹⁵². Исключение составили лишь Польша и Финляндия, где институты судебной системы функционировали обособленно и не претерпели особых изменений в связи с получением широкой автономии.

V. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Распространение православия среди многонационального населения бывшего Казанского ханства становится неотъемлемой частью политики Русского государства второй половины XVI — начала XVIII в. В 1555 г. в Казань направляется архиепископ Гурий для управления новообразованной епархией. Главная его задача состояла в приведении в лоно православия язычников и мусульман. О распространении новой идеологии на Казанской земле должны были символизировать устраиваемые в честь приезда архиепископа Гурия крестные ходы, отправляемые им молебны и освящение мест будущих храмов и других административных строений: «в прочих градах со кресты, и божественная литургия служити везде в соборной церкви, даж и до нового места Чебоксар»¹⁵³. 23—24 июля 1555 г.

Гурий «с воеводами по совету» определили места возведения Введенского собора и Чебоксарского кремля¹⁵⁴.

Согласно врученной царем наказной памяти, архиепископ Гурий своих духовных чад должен был «поучати страху Божию и к себе приучати, и кормити, и поити, и жаловати, и беречи во всем»¹⁵⁵. В документе особо подчеркивалось о добровольности и недопустимости насилия при христианизации нерусских народов: «архиепископу татар к себе приучати и приводити их любовью на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводити»¹⁵⁶. Укреплению роли православия в Казанском крае должно также способствовать наделение архиепископа Гурия правом отменять вынесенные светскими властями в отношении язычника или мусульманина вердикты о смертной казни или другого наказания в обмен на принятие крещения¹⁵⁷.

Таким образом, демонстрировалось особое положение новокрещен, наделенных определенными льготами и привилегиями. Поэтому создавались такие условия, чтобы «иноверцы» не по религиозным, а в первую очередь по экономическим и социальным мотивам решались стать православными. Так, в феврале 1552 г. по жалованной грамоте 17 удмуртским семьям Сырянской волости за восприятие православной веры были предоставлены льготы («как отяки крестятся... им велел есми дати льгот на три года»). На указанный срок они освобождались от сбора ямских и пищальных денег, податей, служб и несения повинностей. Об особом статусе говорит также положение о суде над новокрещенными. Впредь они освобождались от власти тиунов («опричь душегубства и тяжбы и разбоя с поличным») и становились подсудны «слободчикам», которые не имели права взимать с них пошлин¹⁵⁸. Следует полагать, что в свое время приведенными льготами пользовались новокрещены Чебоксарского уезда, упоминаемые в уставной грамоте 1574 г.¹⁵⁹

Используемые методы и средства христианизации шли в унисон с общей имперской политикой и отвечали ее прагматическим целям. Поэтому правительство, не имевшее соответствующей опоры на местах, не ставило в ближайшей перспективе задачи начать масштабную христианизаторскую кампанию в поликонфессиональном регионе Среднего Поволжья. Приоритетным направлением считалось основание монастырей как центров православного миссионерства. Государство жало-

вало их особыми правами и привилегиями, в особенности на земельные и иные владения¹⁶⁰. Для монастырей, пользовавшихся поддержкой властей, своеобразной нормой стали захваты земель ясачных людей¹⁶¹.

В рассматриваемый период вопрос о вероисповедании для социальных верхов поволжских народов, в отличие от основной массы крестьянства, постоянно находился в центре внимания властей. Во второй половине XVI в. представители высшей знати бывшего Казанского ханства и ее окружение были обращены в христианство¹⁶². Этой линии придерживались и в XVII столетии. К примеру, в 1645 г. сибирский царевич Аблай бен Ишим, потомок хана Кучума, добровольно перешел в православную веру¹⁶³. Со стороны правительства им предоставлялись различные правовые гарантии, земельные и денежные поощрения. Правительство, добившись крещения наиболее влиятельной прослойки нерусских вотчинников, помещиков и служилых людей, рассчитывало на то, что их примеру последуют остальные социальные категории населения¹⁶⁴.

Ввиду сложной конфессиональной ситуации в регионе принимались правовые акты, защищающие интересы русских людей. Их должны были оберегать от перехода в ислам или языческую религию, а виновных в этом деле — карать смертной казнью¹⁶⁵. Отдельно следует сказать об указе 1622 г., введшем ограничения по отношению к служилым татарам: «А в своих дворах татарам крещеных латышей и русских людей отнюдь не держати и на государеву службу им с собою имати не велено»¹⁶⁶. Позже 1627/28 г. холопы православного исповедания, находившиеся у мусульман, впредь имели право быть свободными. Лейтмотивом служили притеснения православных («от иноверцов чинится теснота и осквернение»¹⁶⁷).

Статусное положение «новокрещен» было включено в статьи Соборного уложения 1649 г. По мнению А. Каппелера, это сделано не случайно. Московское государство, если взять в отдельности татар-мусульман, было заинтересовано в сегрегации новокрещен от некрещеных татар, дабы предотвратить их возвращение в ислам. Следовательно, новокрещены исключались из своей этнической и социальной среды¹⁶⁸. Этот инструментарий применялся и в отношении язычников, помогавших властям провести разграничительную линию, с одной стороны, между

«новокрещенами» и приверженцами традиционных верований и, с другой — между «новокрещенами» и русским населением¹⁶⁹.

Царская держава путем проб и ошибок искала оптимальные решения и способы воздействия на служилых людей, в том числе из чувашей. В 1650-е — 1680-е гг. принимается ряд юридических документов о наделении особыми правами крещеных из нерусских народов. Отдельно прописывался порядок передачи вотчин и поместий законным наследникам, исповедавшим православие¹⁷⁰. Последующие указы были адресованы романовским мирзам и татарам¹⁷¹. С изданием указа от 16 мая 1681 г. началась апробация более жесткого варианта «программы» по христианизации татарского и мордовского населения. В случае отказа принять христианство татарские феодалы лишались земельных владений, а мордовское население становилось крепостными некрещеных татар и мурз. За смену религии обещались денежные вознаграждения, освобождение от службы на три года и от уплаты податей сроком на шесть лет¹⁷². Вскоре амбициозные планы правительства были свернуты. Уже 20 мая 1682 г. в Кадом была послана грамота: «которые мурзы, тотары, мордва, чувашаи и черемисы не похотят креститься», то их следовало оставить в покое¹⁷³. Такие попытки правительством предпринимались и по отношению к башкирам¹⁷⁴.

Ключевым моментом явилось то, что законодатель увязал служебные привилегии с религиозной составляющей. Это позволяло проверять подданных на лояльность и нащупать новые рычаги воздействия на мусульман и приверженцев традиционных верований. Романовские татары охотно принимали крещение в обмен на признание их княжеского титула и получение титула стольника («у великого государя в стольниках»). Это им гарантировало не только высокие государственные посты, но и расширение своих вотчинных и поместных владений, увеличение числа крепостных крестьян¹⁷⁵.

Ясачные чувашаи, составлявшие основную массу язычников, как и их служилые соплеменники, находились под постоянным натиском двух сил: мусульманства и христианства. С изменением социально-экономической и конфессиональной конъюнктуры имелись случаи отпадения чувашей в ислам и переход их в татары. Следует отметить, что служилые чувашаи в земельных актах именовались служилыми «татарами» с целью

доказательства права на наследство предка, зафиксированного в ранних документах под искомой социальной (конфессиональной) категорией¹⁷⁶. Отпадение в мусульманство среди чувашей имело больший размах, нежели переход в православие. Если в период Казанского ханства мусульмане, как отмечает Л.А. Таймасов, особо не стремились пополнять свои ряды за счет рекрутирования язычников, то по мере социального нивелирования татар с основной частью населения региона, ислам начинал распространяться через посредство народного миссионерства¹⁷⁷.

В начале XVIII в. правительством основная ставка делалась на предоставление льгот новокрещенам. В именном указе 1715 г. администрациям Нижегородской, Казанской и Азовской канцелярий предписывалось «изготовить ведение... сколько есть татар, черемисов и прочих нехристианской веры»¹⁷⁸. Согласно сенатскому указу 1720 г. и утвержденному докладу Сената 1731 г., чувашам наряду с другими народами за принятие православной веры предлагалось трехлетнее освобождение от уплаты налогов¹⁷⁹ («давать льготы по силе... указов на 3 ж года, дабы... другие охотнее к крещению приходили»¹⁸⁰).

Стандартная схема предоставления льгот за восприятие православия действовала и в Сибири¹⁸¹. «Сибирская кампания» по христианизации отличалась тем, что власти проводили, как отмечают исследователи, двойственную и противоречивую политику. Например, они выступали, с одной стороны, против распространения ламаизма среди бурят, с другой — заинтересованные в поддержке бурятской знати, вынуждены были считаться с «бусурманской» верой¹⁸². Следствием этого стало то, что в конце XVIII — начале XIX в. христианство успешнее распространялось лишь среди народностей Якутии и значительной части населения Хакасско-Минусинского края, где не имел своего влияния ламаизм¹⁸³.

Для калмыков, охотно переходивших в православную веру, государство разрешило селиться на специально отведенных участках. Для контроля над ними была основана крепость Ставрополь-на-Волге (современный г. Тольятти)¹⁸⁴. Действенными считались меры по крещению представителей феодальной знати. Так, в 1724 г. внук Аюки-хана Баксадай Дорджи, руководствуясь политическим расчетом, принял православную веру и стал Петром Тайшиным¹⁸⁵.

Важно отметить, что не только «инородцы» привыкали к новым веяниям религиозной политики империи, но и государственные деятели быстро адаптировались к сложившимся реалиям. Во второй половине XVIII в. на уровне высшего руководства государства принимается решение интегрировать казахское население Степи в российские общественные отношения с помощью ислама¹⁸⁶. В конце XVIII в. учреждаются органы управления мусульманами (Оренбургское мусульманское собрание, Таврическое мусульманское духовное правление), на государственные средства ведутся строительства мечетей¹⁸⁷. На протяжении первой половины XIX в. российские власти реализуют политику приведения казахов к оседлости и цивилизованности¹⁸⁸. В связи с началом интеграции казахского сообщества в общеимперское пространство важное значение придавалось религиозной составляющей, а именно приведению казахов-язычников к монотеизму, где проводниками в этом процессе выступили татары. В результате этой имперской политики удалось произвести административное закрепление ислама в казахской степи¹⁸⁹.

Административное вмешательство в религиозную сферу жизни многонационального населения бывшей Речи Посполитой было характерным явлением в политике правительства XVIII столетия. Подобно давлению на мусульман и приверженцев традиционных верований в Среднем Поволжье здесь вводились ограничительные меры против униатской Церкви и насильственного перевода в лоно православия. Эта политика с переменным успехом продолжалась и в XIX в.¹⁹⁰ При этом прямо противоположной была политика России в отношении к финнам, которые сумели незыблемо сохранить свои конфессиональные права¹⁹¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Региональная политика царской власти, отраженная в законодательстве второй половины XVI — начала XVIII в., позволяет заключить, что чуваша прошли сложный путь по инкорпорации в Российское государство. Вследствие последовательной трансформации унаследованных от Казанского ханства норм и обычаев, административной ассимиляции шел поиск универсальной модели общегосударственной имперской политики. В ее основе лежали как меры поощрения, предос-

тавления льгот и привилегий, так и дискриминационные и запретительные нормы.

Чувашам, согласно условиям вхождения в состав Московии, был предоставлен трехлетний льготный период по неуплате ясака. Они составили основу тяглого населения, на которое вплоть до 1724 г. распространялась система государственного ясачного обложения. Ясачные отношения соответствовали правовому духу времени и социально-экономическому уровню развития и уклада жизни присоединенных народов (Сибирь, Центральная Азия, Кавказ).

Исходя от социального положения чувашей, власти до конца XVII в. целенаправленно ввели правовую норму, запрещавшую заниматься кузнечным и серебряным делом. В случае недоимки ясака применялись методы заложенчества, позволяющие заключать под стражу знатных представителей чувашских крестьян в аманатных дворах. Юридическое оформление земельных прав, складывание единой администрации и суда, основанного также на обычном праве, гибкая фискально-финансовая и конфессиональная политика явились важными составляющими имперской политики в отношении чувашского населения и генезиса российского законодательства в целом.

Насколько вариативным и ситуативным был российский внутриполитический курс на протяжении второй половины XVI — начала XVIII в., наглядно можно проследить из экскурса правового положения народов Сибири, Кавказа, Средней Азии, Польши и Финляндии в разных хронологических отрезках. Он находился под воздействием целого ряда факторов. В их числе — юридический статус присоединенной к Российскому государству территории. Фактически жителей Польши и Финляндии, по сравнению с положением чувашей, не достигли дискриминационные правовые порядки, ибо они имели широкую автономию. Национальные элиты Польши, Финляндии, Кавказа и Средней Азии заняли высокое привилегированное положение в обществе, поступая на ключевые посты в имперской системе власти, чего нельзя сказать о чувашской верхушке. Для правительственной политики по отношению к чувашам, народам Сибири и Средней Азии важную роль, видимо, должны были сыграть не только наличие собственной элиты, но также государственные традиции и высокая культура.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Кантелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / перев. с нем. С.М. Червонная. М.: Традиция—Прогресс-Традиция. М., 2000. 344 с.; Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. Пол В. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое изд-во, 2005. 694 с.; Российская империя: от истоков до начала XIX века: Очерки социально-политической и экономической истории / А.И. Аксенов, Н.Е. Бекмаханова, Я.Е. Водарский и др.; ИРИ РАН. М.: Русская панорама, 2011. 880 с.; Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи) / науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: Издат. дом ОГАУ, 2019; Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография: сб. обзоров и рефератов / РАН; ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед; Отд. истории; отв. ред. О.В. Большакова. М.: ИНИОН РАН, 2019. 180 с. (История России) и др.

² См.: *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. С. 101.

³ Цит.: *Трепавлов В.В.* Начало формирования многонациональной России: контакт народов и культур в Поволжье // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия — Балканы — Поволжье: Труды международной научной конференции (Самара, 11—13 сентября 2008 г.). Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2008. С. 14.

⁴ *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. С. 201—202.

⁵ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 13. Ч. 1. VIII. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. С. 221.

⁶ См.: *Бахтин А.Г.* XV—XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. полиграф.-издат. комбинат, 1998. С. 135; *Кантелер А.* Первые национальности России: Царская империя и народы Среднего Поволжья с 16 по 19 в. Кёльн; Вена, 1982 (рукопись перевода книги с немецкого языка) // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. X. Ед. хр. 1040. С. 171.

⁷ *Димитриев В.Д.* Национально-колониальная политика Московского правительства в Среднем Поволжье во второй половине XVI — XVII вв. // Вестник Чувашского университета. 1995. № 2. С. 5; *Кантелер А.* Как классифицировали русские источники XVI — середины XIX в. этно-религиозные группы Волго-Уральского региона // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона — XVIII—XIX вв.) / сост. и отв. ред. С.А. Дюдуаньон, К. Ле Торривеллек, О.Н. Сенюткина. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С. 20—21.

⁸ Документы по истории Удмуртии XV—XVII веков / сост. П.Н. Луппов; гл. ред. В.Г. Гусев. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. С. 39; *Гришкина М.В.* Удмурты в составе Российского феодального государства (конец XV — первая половина XIX в.) // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.): сб. статей / отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Ижев. респ. тип., 1995. С. 117.

⁹ См.: *Сушкова Ю.Н.* Специфика государственно-правового управления мордвой (XVI—XVII вв.) // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2017. № 1. С. 57—63; *Кочетков В.Д.* «Велено быть у бортников и мордвы воеводой». К вопросу о специфике воеводского управления Алатырским уездом в XVII в. // Центр и периферия. 2018. № 1. С. 56—66.

¹⁰ *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII века) / отв. ред. А.А. Новосельский. М.: Наука, 1964. С. 24.

¹¹ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 244.

¹² Там же. С. 72.

¹³ Этносоциальная динамика населения Вятско-Камского региона: адаптационные механизмы и практики (XVI—XX вв.) / отв. ред. М.В. Гришкина и Л.Н. Бехтерова; Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН. Ижевск: Удмуртия, 2009. С. 15.

¹⁴ История Удмуртии: Конец XV — начало XX века / М.В. Гришкина, Н.П. Лигенко, Г.А. Никитина и др.; под ред. К.И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 49.

¹⁵ *Гришкина М.В.* Добровольное присоединение южных удмуртов к Русскому государству // 425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России. Ижевск: Удмуртия, 1983. С. 35.

¹⁶ *Басманцев Д.В., Кочетков В.Д.* Особенности колонизации Среднего Поволжья в конце XVI — первой половине XVII века: на примере Князь-Акльчевой сотни Свияжского уезда // Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI—XIX вв. Вып. 1. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 141.

¹⁷ См.: *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 301—310; *Басманцев Д.В.* Землевладение в Чувашском крае во второй половине XVI — XVIII веке: обзор документальных материалов по спорным делам генерального межевания // Чувашский гуманитарный вестник. 2017. № 12. С. 143—145; *Чибис А.А.* К вопросу об инкорпорации нерусских народов Горной стороны Казанской земли в правовую систему Русского государства во второй половине XVI—XVII веках // Исторический опыт нацистроительства и развития национальной государственности чувашского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 89—90.

¹⁸ Соборное уложение 1649 года: учеб. пособие для высш. школы / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 187—188.

¹⁹ *Димитриев В.Д.* Политика Московского правительства в Чувашском крае в XVII веке (по наказам воеводам) // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики (Известия НАНИ ЧР). Гуманитарные науки. 2002. № 4. С. 38—39.

²⁰ *Поливанов В.Н., Красовский В.Э.* Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Т. 2. Собрание актов XVII-го и начала XVIII-го вв. В.П. Мещеринова, П.В. Анненкова, А.В. Толстого, Л.А. Прушакевича и др. Симбирск: Губерн. тип., 1898. С. 21.

²¹ Там же. С. 22.

²² Цит. по: *Каптанов С.М.* Отношения между Москвой и Казанью в 1545—1551 гг. и мирное вхождение Горной стороны в состав Российского государства // Известия НАНИ ЧР. Гуманитарные науки. 2002. № 4. С. 16.

²³ *Димитриев В.Д.* Документы по истории города Чебоксар XVII—XVIII веков // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 21 / отв. ред. В.Д. Димитриев. Чебоксары: ЧНИИ, 1962. С. 286.

²⁴ См.: *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 310—311.

²⁵ Государственный архив Ульяновской области (ГА УО). Ф. 318. Оп. 3. Д. 255. Л. 25—26 об.

²⁶ См.: *Димитриев В.Д.* Политика Московского правительства в Чувашском крае в XVII веке... С. 40.

²⁷ *Димитриев В.Д.* Наказ царя Михаила Федоровича царевokokшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 года // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 69—70; *Его же.* Политика Московского правительства в Чувашском крае в XVII веке... С. 34.

²⁸ Наказ государя царя Михаила Федоровича, данный на управление г. Кокшайском с уездом, чувашскими и черемисскими волостями. Кострома, 1913. С. 11.

²⁹ Чебоксары во второй половине XVI — XVIII веке: документы и материалы из фондов Российской государственного архива древних актов / сост., авт. предисл. коммент. и примеч. Д.В. Басманцев; ГИА ЧР; ЧГИГН. Чебоксары: ГИА ЧР, 2019. С. 94.

³⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649—1825 гг.). (ПСЗ—1). СПб., 1830. Т. 2. № 959. 20 октября 1682 г. С. 471—472.

³¹ Там же. № 998. 02 марта 1683 г. Пункт 33. С. 508.

³² Там же. № 1111. 09 марта 1685 г. С. 654—657.

³³ Там же. № 1210. 20 сентября 1686 г. С. 817—818.

³⁴ ПСЗ—1. Т. 3. № 1579. 31 марта 1697 г. С. 284—285; *Димитриев В.Д.* «Царские» наказания казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР: сб. статей / ред. А.В. Изоркин. Чебоксары: ЧНИИ, 1974. Вып. 3. С. 291, 316, 371.

³⁵ См.: *Басманцев Д.В.* Чувашские и марийские крестьяне правобережья р. Волга в XVII — начале XVIII века: штрихи к этническому и социально-экономическим процессам // Чуваши и марийцы — соседи по «общему дому»: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев; ЧГИГН, МарНИИЯЛИ. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 126.

³⁶ См.: *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 59, 246—269.

³⁷ Там же. С. 59.

³⁸ Цит. см.: *Кочетков В.Д.* Город-крепость на Суре. Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI—XVII вв. Чебоксары: [б.и.], 2012. С. 85.

³⁹ *Демидова Н.Ф.* Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. Т. 68 / отв. ред. А.Л. Сидоров. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 221; История башкирского народа. В 7 т. Т. 3. Уфа: Гилем, 2011. С. 283.

⁴⁰ Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое лит. обозрение, 2007. С. 216—218; *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Ясак в Сибири в XVIII — начале XX века. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 160—271.

⁴¹ Цит. по: *Максимов К.Н.* Роль высших и центральных учреждений России в инкорпорации калмыков в состав государства (начало — вторая половина XVII в.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 9. С. 5.

⁴² Русско-монгольские отношения. 1607—1636: сб. документов / сост. Л.М. Гагаулина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. Москва: Изд-во вост. лит., 1959. [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Rus_mong_1/1-20/2.phtml?id=13432 (дата обращения: 15.12.2021).

⁴³ Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи). С. 174.

⁴⁴ Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.) / отв. ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул: Азбука, 2014. С. 187, 195, 197.

⁴⁵ Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое лит. обозрение, 2007. С. 217.

⁴⁶ См.: *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII—XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения / отв. ред. Н.И. Павленко. М.: Наука, 1988. С. 32, 36, 135; *Акманов А.И.* Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI — начале XX в. Уфа: Китап, 2007. С. 67, 73; История башкирского народа. Т. 3. С. 54; *Азнабаев Б.А.* Особенности присоединения зауральских башкир к Русскому государству // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2020. Т. 35. № 2. С. 47—48.

⁴⁷ См.: *Сухарева И.В.* Чуваши Башкортостана в XVII—XIX веках: экономическое развитие и социальная структура / отв. ред. И.Г. Акманов. Уфа: Гилем, 2007. С. 202—204.

⁴⁸ История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России / авт. В.А. Александров, В.Г. Мирзоев, В.И. Шунков и др.; гл. ред. А.П. Окладников, В.И. Шунков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 110.

⁴⁹ См.: *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI — XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 38—76; *Димитриев В.Д.* Национально-колониальная политика Московского правительства в Среднем Поволжье во второй половине XVI — XVII вв. С. 4—13; *Бахтин А.Г.* XV—XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. полиграф.-издат. комбинат, 1998. С. 134—175; *Ногманов А.И.* Самодержавие и татары. Очерки законодательной политики во второй половине XVI — XVIII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 17—37; и др.

⁵⁰ ПСЗ—1. Т. 1. № 1. 29 января 1649 г. Гл. 13. Пункт 3. С. 70.

⁵¹ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 65—75.

⁵² ПСЗ—1. Т. 1. № 1. 29 января 1649 г. С. 105.

⁵³ *Чулошников А.П.* Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половине XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / отв. ред. А.П. Чулошников. М.; Л.: АН СССР, 1936. С. 10—11.

- ⁵⁴ *Димитриев В.Д.* «Царские» указы казанским воеводам XVII века. С. 353.
- ⁵⁵ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 331.
- ⁵⁶ ПСЗ—1. Т. 3. № 1579. 31 марта 1697 г. С. 294.
- ⁵⁷ *Димитриев В.Д.* «Царские» указы казанским воеводам XVII века. С. 287.
- ⁵⁸ *Димитриев В.Д.* Документы по истории города Чебоксар XVII—XVIII веков // Ученые записки ЧНИИ / отв. ред. В.Д. Димитриев. Чебоксары: ЧНИИ, 1962. Вып. 21. С. 285.
- ⁵⁹ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 70, 73.
- ⁶⁰ ПСЗ—1. Т. 2. № 844. 12 ноября 1680 г. Пункты 1—3, 12. С. 284.
- ⁶¹ Этносоциальная динамика населения Вятско-Камского региона: адаптационные механизмы и практики (XVI—XX вв.). С. 19.
- ⁶² *Буканова Р.Г.* Города-крепости на территории Башкортостана в XVI—XVII вв. Уфа: Китап, 2010. С. 217.
- ⁶³ *Ногманов А.И.* Самодержавие и татары... С. 59.
- ⁶⁴ *Заварюхин Н.В.* Очерки по истории Мордовского края периода феодализма / науч. ред. Н.Ф. Мокшин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. С. 32—33.
- ⁶⁵ История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. С. 94.
- ⁶⁶ *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века... С. 44, 47, 60—61; *Ногманов А.И.* Самодержавие и татары... С. 132—176.
- ⁶⁷ *Асфандияров А.З.* Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. С. 99.
- ⁶⁸ История Удмуртии... С. 60—61.
- ⁶⁹ *Стейнвелд Ч.* Положение Башкирии в составе России: региональные особенности, параллели, общеимперский контекст (1552—1917) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII—XX вв. / под ред. Наганава Норихиро, Д.М. Усмановой, Хамамото Маами. М.: Вост. лит, 2011. С. 68.
- ⁷⁰ *Габдуллин И.Р.* От служилых татар к татарскому дворянству / науч. ред. С.В. Думин, Р.Ш. Кудашев. М.: [б.и.], 2006. С. 80—81.
- ⁷¹ *Сайфуллина Л.Ф.* Правящая элита Башкирии конца XVI — первой половины XIX вв.: основные этапы формирования // Вестник СамГУ. 2008. № 4(63). С. 165—170; *Ее же.* Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2009. С. 4, 13—14.
- ⁷² *Стейнвелд Ч.* Положение Башкирии в составе России... С. 69—70.
- ⁷³ Западные окраины Российской империи / Л.А. Бережная, О.В. Будницкий, М.Д. Долбилов и др. М.: Новое лит. обозрение, 2006. С. 76; Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 110—117.
- ⁷⁴ *Каттелер А.* Россия — многонациональная империя... С. 77.
- ⁷⁵ Национальные окраины Российской империи / отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998. С. 365—367.
- ⁷⁶ Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи... С. 183.

⁷⁷ *Марзоев И.И.* Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII — начале XX веков. Владикавказ: Издат. мастерская «Перо и Кисть», 2014. С. 24, 54—77.

⁷⁸ *Бахрушин С.В.* Ясак в Сибири в XVII веке. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1927. С. 8; *Трепавлов В.В.* «Белый царь»... С. 140.

⁷⁹ *Димитриев В.Д.* Наказ царя Михаила Федоровича царевokokшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 г. // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 67.

⁸⁰ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 78.

⁸¹ Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 2. Местное управление и сословия г. Свияжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы) / сост. А.А. Чибис; ЧГИГН. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 37, 77, 166, 183.

⁸² *Димитриев В.Д.* «Царские» наказания казанским воеводам XVII века. С. 293, 319, 373.

⁸³ *Кулешов В.* Наказы сибирским воеводам в XVII веке: исторический очерк. Болград: Тип. Я.А. Иванченко, 1894. С. 23.

⁸⁴ См.: *Димитриев В.Д.* «Царские» наказания казанским воеводам XVII века. С. 319.

⁸⁵ ПСЗ—1. Т. 3. № 1579. 31 марта 1697 г. С. 284—301.

⁸⁶ См.: *Самрина Е.В.* Аманатство как социально-политический институт присоединения и покорения новых территорий к Российскому государству в XVII—XIX веках (на примере Хакасско-Минусинского края) // Вестник Дагестанского научного центра. 2013. № 49. С. 69; *Кандор Р.С.* Становление российской системы управления в Бжедугском владении Черкесии (конец 50-х — середина 60-х гг. XIX в.) // Вестник Майкопского государственного технического университета. 2018. № 1. С. 15; *Трепавлов В.В.* «Белый царь»... С. 191.

⁸⁷ *Избасарова Г.Б.* Аманат в традиционном казахском обществе и российской политике XVIII в. // Российская история. 2017. № 1. С. 112.

⁸⁸ *Кочетков В.Д.* «Велено быть у бортников и мордвы воеводой»... С. 57.

⁸⁹ *Васильев Д.В.* Рождение империи. Юго-восток России: XVIII — первая половина XIX в. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. С. 167.

⁹⁰ ПСЗ—1. Т. 8. № 5703. 19 февраля 1731 г. С. 384; *Демидова Н.Ф.* Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. С. 232—233.

⁹¹ История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. С. 288—289.

⁹² ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1: I. Повесть о четном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. II. Новый летописец. СПб.: М.А. Александрова, 1910. С. 36.

⁹³ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 105.

⁹⁴ См.: *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 107; *Его же.* Чебоксары. Очерки истории города конца XIII — XVII веков. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 40; *Акманов И.Г.* Восстание 1662—1664 гг. — первое массовое движение в Башкирии // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII — начале XX вв. / отв. ред.

Х.Ф. Усманов. Уфа: БФ АН СССР, 1981. С. 52; *Кантелер А.* Первые национальности России... // НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1040. С. 223—224.

⁹⁵ Наказ государя царя Михаила Феодоровича, данный на управление г. Кокшайском с уездом... С. 13; *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 233—234.

⁹⁶ ПСЗ—1. Т. 3. № 1579. 31 марта 1697 г. С. 286—287; *Димитриев В.Д.* «Царские» наказания казанским воеводам XVII века. С. 294—295, 320—321, 374—375.

⁹⁷ ПСЗ—1. Т. 3. № 1579. 31 марта 1697 г. С. 286—287.

⁹⁸ *Димитриев В.Д.* «Царские» наказания казанским воеводам XVII века. С. 320—321, 375.

⁹⁹ Там же. С. 295.

¹⁰⁰ *Бурцев И.Г., Дедук А.В.* Новые документы по истории засек в 1620-е годы: из служебного архива Ф.И. Обобурова // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2021. № 11. Т. 1. С. 146.

¹⁰¹ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 262—263; *Айплатов Г.Н.* Марийский край в составе Российского государства второй половины XVI — начала XVIII веков: проблемы социально-экономической и политической истории: научный доклад (дисс.) ... д-ра ист. наук: 07.00.02 — Отечественная история. Чебоксары, 2002. С. 46.

¹⁰² *Ногманов А.И.* Самодержавие и татары... С. 61.

¹⁰³ Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 77.

¹⁰⁴ ПСЗ—1. Т. 9. № 6890. 11 февраля 1736 г. Пункт 5. С. 742; *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 236.

¹⁰⁵ Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. С. 83.

¹⁰⁶ *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII—XVIII вв. ... С. 88.

¹⁰⁷ См.: Развитие русского права второй половины XVI—XVIII вв. / С.И. Штамм, И.А. Исаев, Н.Н. Ефремова и др.; отв. ред. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1992. С. 133.

¹⁰⁸ Подробнее см.: Западные окраины Российской империи. С. 100—113.

¹⁰⁹ *Носов Б.В., Марней Л.П.* Региональная политика Российской империи в первой половине XIX в.: Царство Польское (1815—1830 гг.) // Славянский альманах. 2020. № 3—4. С. 96.

¹¹⁰ Подробнее см.: *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.) / отв. ред. И.И. Свирида. М.: Индрик, 1999. С. 100—118.

¹¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1649—1825 гг.). (ПСЗ—2). СПб.: В тип. II Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1867. Т. 40. Отделение второе. № 42 759. 10 декабря 1865 г. С. 326—327. Пояснения и дополнения к указу, объявленные министром юстиции Сенату, см.: ПСЗ—2. Т. 40. Отделение второе. № 42 760. 10 декабря 1865 г. С. 327—328.

¹¹² *Трепавлов В.В.* «Национальная политика» в России XVI—XIX вв. // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 62.

¹¹³ *Акишин М.О.* Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 5. С. 239.

¹¹⁴ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 36—37.

¹¹⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. Т. 1. 1295—1598. СПб.: Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. С. 260.

¹¹⁶ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 74.

¹¹⁷ См.: Наказ государя царя Михаила Феодоровича, данный на управление г. Кокшайском с уездом... 13 с.; *Димитриев В.Д.* «Царские» наказания казанским воеводам XVII века. С. 288; *Его же.* Наказ царя Михаила Феодоровича царевокочшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 г. С. 66—67.

¹¹⁸ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Стб. 528; *Димитриев В.Д.* «Царские» наказания казанским воеводам XVII века. С. 288; *Иванов А.Г.* Система воеводского управления в Марийском крае во второй половине XVI — XVIII вв. // Марийский археографический вестник. 2000. № 10. С. 21.

¹¹⁹ *Димитриев В.Д.* Документы по истории города Чебоксар XVII—XVIII веков // Ученые записки ЧНИИ / отв. ред. В.Д. Димитриев. Чебоксары: ЧНИИ, 1962. Вып. 21. С. 285.

¹²⁰ *Димитриев В.Д.* Наказ царя Михаила Федоровича царевокочшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 г. С. 67.

¹²¹ Наказ государя царя Михаила Феодоровича, данный на управление г. Кокшайском с уездом... С. 5, 7, 9.

¹²² Подробнее см.: *Басманцев Д.В.* Политика российского правительства в отношении народов Поволжья и Приуралья во второй половине XVI — XVIII веке: некоторые особенности // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа... С. 101—102.

¹²³ Документы Печатного приказа (1613—1615 гг.) / сост. С.Б. Веселовский; подготовлено к изданию Н.К. Ткачевой; отв. ред. Б.В. Левшин. М.: Наука, 1994. С. 28, 56, 96, 97, 99, 126, 127, 131, 136, 144, 165, 169, 171, 174, 176, 181, 189, 190, 191, 192, 193, 195, 196, 197, 198, 205—206, 207, 215, 226, 250, 251, 252, 253, 255, 256, 257, 259, 260, 277.

¹²⁴ *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муницип. учеб.-метод. центр «Развивающее обучение», 1998. С. 135—136.

¹²⁵ См.: Документы по истории Удмуртии XV—XVII веков. С. 39; *Гришкина М.В.* Удмурты в составе Российского феодального государства... С. 117.

¹²⁶ См.: *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России... С. 24, 29.

¹²⁷ НА ЧГИГН. Фонд В.Д. Димитриева. Отд. I. Ед. хр. 988. Л. 38 об. — 39.

¹²⁸ Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 2. Местное управление и сословия г. Свяжск и уезда в первой половине XVII века... С. 165.

¹²⁹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 7 об.

¹³⁰ *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 132, 134—135.

¹³¹ ПСЗ—1. Т. 1. № 1. 29 января 1649 г. Гл. 10. Статья 161. С. 41.

¹³² Там же.

¹³³ Там же. № 431. 22 января 1669 г. Пункт 28. С. 781.

- ¹³⁴ Там же. № 526. 12 июля 1672 г. С. 907.
- ¹³⁵ Там же. № 1. 29 января 1649 г. Гл. 13. Статья 3. С. 70.
- ¹³⁶ Там же. № 255. 08 августа 1659 г. С. 488.
- ¹³⁷ *Димитриев В.Д.* Наказ царя Михаила Федоровича царевokokшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 г. С. 69.
- ¹³⁸ Соборное уложение 1649 года. С. 181.
- ¹³⁹ ПСЗ—1. Т. 8. № 5333. 12 сентября 1728 г. С. 100.
- ¹⁴⁰ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Стб. 528.
- ¹⁴¹ *Димитриев В.Д.* Наказ царя Михаила Федоровича царевokokшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 г. С. 68.
- ¹⁴² *Димитриев В.Д.* «Царские» наказания казанским воеводам XVII века. С. 297, 327—328, 377.
- ¹⁴³ ПСЗ—1. Т. 1. № 1180. 19 марта 1686 г. С. 760.
- ¹⁴⁴ Там же. Т. 11. № 8245. 18 сентября 1740 г. С. 263—265.
- ¹⁴⁵ *Чибис А.А.* К вопросу об инкорпорации нерусских народов Горной стороны Казанской земли в правовую систему Русского государства во второй половине XVI — XVII веках. С. 91.
- ¹⁴⁶ *Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII—XIX вв.) / под ред. И.С. Вдовина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 51—52.
- ¹⁴⁷ *Вареникова С.П.* Казахское обычное право и судопроизводство биев // *Lex Russica* (Русский закон). 2016. № 8 (117). С. 172.
- ¹⁴⁸ Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 192—194.
- ¹⁴⁹ *Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII—XIX вв.). С. 50; *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 136—137.
- ¹⁵⁰ *Луппов П.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб.: Типо-лит. М.П. Фроловой, 1899. С. 128; *Басманцев Д.В.* Воеводское судопроизводство на территории Чувашии в 1727—1781 годах // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа / сост. и науч. ред. Н.Г. Ильина. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 32.
- ¹⁵¹ Центральная Азия в составе Российской империи. С. 195.
- ¹⁵² Имперская политика аккультурации и проблема колониализма... С. 416.
- ¹⁵³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. Т. 1. 1295—1598. СПб.: Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. С. 258—259.
- ¹⁵⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. Т. 1. 1295—1598. С. 257—258; *Димитриев В.Д.* Чебоксары. Очерки истории города конца XIII—XVII веков. С. 32.
- ¹⁵⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. Т. 1. 1295—1598. С. 259.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 260.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ История Татарии в материалах и документах / Ин-т истории Акад. наук и Татарский научно-исслед. ин-т марксизма-ленинизма. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. С. 147.
- ¹⁵⁹ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). С. 74.
- ¹⁶⁰ См.: *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. С. 143;

Димитриев В.Д. Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI в. — 1861 г.) // Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР (Труды ЧНИИ. Вып. 86) / под общ. ред. А.И. Клибанова; сост. и науч. ред. Г.Н. Плечов. Чебоксары: ЧНИИ, 1978. С. 83—88.

¹⁶¹ См.: *Димитриев В.Д.* Чебоксары. Очерки истории города конца XIII — XVII веков. С. 69—70; *Айплатов Г.Н., Иванов А.Г.* Монастырская колонизация Марийского Поволжья. По материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда 1625—1764 гг.: Исследование. Тексты документов / МарГУ. Йошкар-Ола: МарГУ, 2000. С. 22—23, 70—71.

¹⁶² *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV—XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. С. 233—235; *Ногманов А.И.* Самодержавие и татары... С. 22.

¹⁶³ *Беляков А.В.* Крещение знатных мусульманских выходцев в России середины XVII в.: судьба сибирского царевича Абляя бен Ишима // Вестник церковной истории. 2018. № 1—2 (49—50). С. 5—29.

¹⁶⁴ *Каппелер А.* Первые национальности России... // НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1040. С. 52; *Гришкина М.В.* К проблеме адаптации удмуртов в системе Российского государства в XVI—XVIII веках // Служение истории: сб. статей. Вып. 2 / отв. ред. А.Г. Иванов. Чебоксары: [б. и.], 2008. С. 243.

¹⁶⁵ *Димитриев В.Д.* Наказ царя Михаила Федоровича царевokokшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 г. С. 69; Соборное уложение 1649 года. С. 181.

¹⁶⁶ *Ногманов А.И.* Самодержавие и татары... С. 31.

¹⁶⁷ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: тексты / подготовка текстов Р.Б. Мюллер; под ред. Н.Е. Носова. Л.: Наука, 1986. С. 138.

¹⁶⁸ *Каппелер А.* Как классифицировали русские источники XVI — середины XIX вв. этнорелигиозные группы Волго-Уральского региона. С. 28.

¹⁶⁹ Там же. С. 32.

¹⁷⁰ *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. С. 148.

¹⁷¹ *Беляков А.В.* Конфессиональная политика в России конца XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 13.

¹⁷² См.: *Димитриев В.Д.* Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI в. — 1861 г.). С. 92—93; *Ногманов А.И.* Самодержавие и татары... С. 53—54.

¹⁷³ *Беляков А.В.* Конфессиональная политика в России конца XVII в. С. 14.

¹⁷⁴ История башкирского народа. В 7 т. Т. 3. С. 108.

¹⁷⁵ *Каппелер А.* Первые национальности России... // НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1040. С. 234—236.

¹⁷⁶ *Димитриев В.Д.* Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI в. — 1861 г.). С. 84; *Насыров Р.Г.* Служилые чувашаи Закамья XVII—XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 182—183.

¹⁷⁷ Цит.: *Таймасов Л.А.* Правовое регулирование межконфессиональных отношений в Среднем Поволжье во второй половине XVI — XVII вв. // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2009. № 1. С. 99.

- ¹⁷⁸ ПСЗ—1. Т. 5. № 2957. 27 ноября 1715 г. С. 183—184.
- ¹⁷⁹ Там же. Т. 6. № 3637. 01 сентября 1720 г. С. 234—235; Т. 8. № 5737. 03 апреля 1731 г. С. 447—448.
- ¹⁸⁰ Там же. Т. 8. № 5737. 03 апреля 1731 г. С. 448.
- ¹⁸¹ *Юрбанова И.И.* Инкорпорация Якутского края в Российскую империю на примере христианизации // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2012. Т. 9. № 2. С. 95—98.
- ¹⁸² История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. С. 297.
- ¹⁸³ *Асочакова В.Н.* Христианизация коренных народов Сибири и ясачный вопрос в политике Российского государства в XVII—XIX вв. (на примере Хакаско-Минусинского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25). Ч. 2. С. 29.
- ¹⁸⁴ Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства... С. 93.
- ¹⁸⁵ *Орлова К.В.* Христианизация калмыков как фактор их интеграции в социокультурное российское общество // Исповеди в зеркале... С. 390.
- ¹⁸⁶ Имперская политика аккультурации и проблема колониализма... С. 345.
- ¹⁸⁷ Имперская политика аккультурации и проблема колониализма... С. 346—347; Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи... С. 209—210.
- ¹⁸⁸ Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи... С. 215—216.
- ¹⁸⁹ *Лысенко Ю.А.* «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII — начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4—3 (68). С. 151.
- ¹⁹⁰ *Кантелер А.* Россия — многонациональная империя... С. 66—67.
- ¹⁹¹ Там же. С. 76—77.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I. Ясачные чувашы: социальный статус	4
II. Служилые чувашы в региональной системе управления	11
III. Институт аманатства и запретительные меры	15
IV. Судебно-правовая практика	19
V. Конфессиональная политика	25
Заключение	30
Литература, источники и примечания	32

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 35

БАСМАНЦЕВ Дмитрий Викторович

**Чуваши в имперской системе
власти России во второй половине
XVI — начале XVIII века:
опыт историко-правового анализа**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2021 год

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Л.Н. Сачкова*
Верстка *Э.В. Кирилловой*

Подписано к печати 28.02.2022. Формат 60×84¹/₁₆.

Печать оперативная. Бумага офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 2,55. Уч.-изд. л. 2,37.

Заказ № 3. Тираж 50 экз.

Отпечатано в РИО БНУ ЧР

«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1